

УДК: 7.046

ББК: 85.103(2)6

А43

DOI: 10.18688/aa188-3-34

Е. В. Васина

Религиозные коннотации в картине В.М. Васнецова «Царевна-Несмеяна»

Картина «Царевна-Несмеяна» (1916–1926) входит в живописный цикл «Поэма семи сказок», который является наименее изученной частью творческого наследия В.М. Васнецова. Цикл состоит из семи картин: «Спящая царевна», «Царевна-Несмеяна», «Баба-Яга», «Царевна-Лягушка», «Кашей Бессмертный», «Сивка-Бурка» и «Ковер-самолет».

Целью исследования стало определение религиозных сюжетов в картине «Царевна-Несмеяна» (Илл. 44), которые художник поместил на стенах сказочного терема, а также установление их взаимоотношений с содержанием сказки. Эти изображения связаны с духовной литературой, с традициями лубочного искусства, миниатюры и иконописания. Отметим, что первым на связь росписей с духовной литературой указал В.Г. Смолицкий, опознав сюжет «Прение живота со смертью» [3, с. 62]. Остальные сюжеты до настоящего времени не были определены.

В основу интересующей нас картины «Царевна-Несмеяна» лег сюжет одноименной европейской сказки, ставший популярным в России. В.М. Васнецов знал его в пересказе известного собирателя русского народного фольклора А.Н. Афанасьева [1, с. 695–697]. Сказка повествует о тоскующей царевне, женихах, которые стремятся рассмешить ее ради обещанного полцарства, и о честном работнике, который благодаря искренности, щедрости и трудолюбию неожиданно для себя рассмешил царевну, женился на ней и получил несметные богатства.

О работе художника над картиной «Царевна-Несмеяна», как и над другими картинами цикла «Поэма семи сказок»¹, известно очень мало. Среди архивных материалов — дневников и писем — не обнаружены записи, которые могли бы прояснить замысел автора. Воспоминания современников также очень ограничены. Поэтому главной опорой в изучении содержательных аспектов картины стал сохранившийся изобразительный материал.

Не вполне ясно, была ли картина задумана как часть цикла «Поэма семи сказок», или как самостоятельное произведение. Идея создания «Поэмы...», получила оформление только к 1901 г., когда была написана серия акварельных эскизов к картинам, вошедшим в цикл. Н.С. Моргунов и Н.Д. Морнунова-Рудницкая датируют эскизы к шести кар-

¹ Впервые название «Поэма семи сказок» упоминается в письме М.В. Васнецова, сына художника, к В.М. Васнецову от 16 апреля 1914 г., в котором он желает скорейшего завершения работы над циклом (Дом-музей В.М. Васнецова, ГТГ: П. 103616).

тинам 1901 г. Эскиз к седьмой картине — «Сивка-Бурка» — приводится в списке 1914 г. Однако его размеры, техника и стиль позволяют предположить, что он также относится к 1901 г. Между тем работа над созданием картины «Царевна-Несмеяна» началась гораздо раньше — не позднее 1880-х гг., когда был выполнен первый датированный Васнецовым эскиз.

Эскизы, хранящиеся в Доме-музее В. М. Васнецова и ГМИИ им. А. С. Пушкина, позволяют проследить этапы развития композиции. Первые два наброска (Рис. 1, 2), вероятнее всего, были выполнены практически одновременно. Они свидетельствуют о стремлении художника передать сказочный нарратив и строятся на принципах иллюстративности. Тоскующую царевну художник противопоставляет веселящейся толпе женихов. Уже в ранних набросках Васнецов экспериментировал с архитектурными формами: в горизонтальном эскизе все действие происходит внутри царских палат с низкими сводами и небольшими окнами. Создается впечатление замкнутости пространства, которое полностью исчезает в эскизе вертикального формата. Примечательно, что здесь художник уже нашёл образы и детали композиции, которые будут использованы в картине: склонившийся читающий человек, шут, стоящий на руках, и закручивающий усы поляк, прообразом для которого послужил художник В. А. Котарбинский [8, с. 313].

В следующих эскизах Васнецов работал над поиском архитектурных форм (Рис. 3, 4). Он изобразил высокие сводчатые перекрытия царских палат, на которых предполагалась роспись, как это видно в одном из поздних графических эскизов. Дидактическое значение этих росписей, вероятно, было предусмотрено художником еще на рубеже XIX–XX вв., поскольку уже в эскизе 1901 г. на сводах он поместил популярную лубочную сцену «Храбрый Аника-воин»². Слева представлены герои повествования — Аника-воин и смерть, справа — страшная жатва смерти.

Дидактическая направленность замысла, которая определилась уже в эскизе 1901 г., была развита художником во время работы над полотном. Он дополнил росписи дворца религиозными сюжетами, среди которых «Повесть о Варлааме и Иоасафе» и «Душа чистая», хорошо известные современникам Васнецова и имеющие особое назидательное значение, которое дополняет дидактику сказки. Через эти сюжеты раскрываются темы греховности стяжательства и неотвратимости суда.

В левой части картины на стене художник поместил сюжет духовного стиха «Прение живота со смертью». Литературный текст связан с темой плясок смерти — жанром покаянной литературы средневековой Германии [12, с. 360]. Этот сюжет стал широко известен на Руси приблизительно в середине XVI в. [6, с. 757–758], в народе он получил новую трактовку, превратившись в стих об Анике-воине [10, с. 127]. Подобные сюжеты часто воспроизводились в лубке и использовались при оформлении древнерусских синодиков [2, с. 252]. Васнецов обратился к популярному сюжету, знакомому не только образованному, но и простому человеку. В правой части художник изобразил смерть, причем в традициях не лубочного, а иконописного искусства. Для лубка характерно изображение смерти в виде скелета, идущего с орудиями смерти по земле. Часто позади

² МЛК ГР 408. Коллекция Ильи Самойловича Зильберштейна. Отдел личных коллекций ГМИИ им. А. С. Пушкина. URL: http://artprivatecollections.ru/data/graphics/gr_408_vasnevov_nesmeyana.php (дата обращения: 02.02.2017).

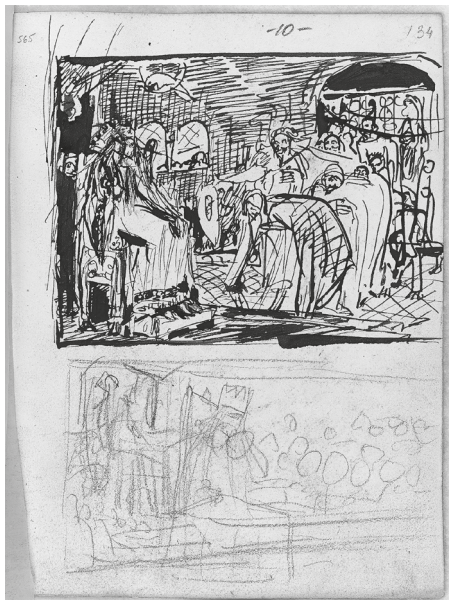

Рис. 1. В. М. Васнецов. Эскиз композиции картины «Царевна-Несмеяна». Бумага, графитный карандаш, тушь, перо. 19,5×15,3 см. Дом-музей В. М. Васнецова, ГТГ, Москва

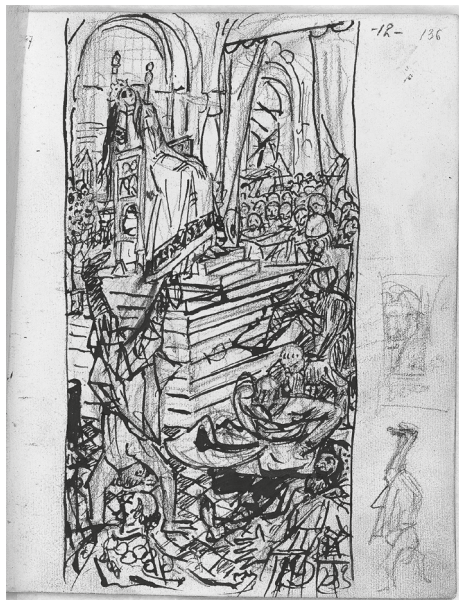

Рис. 2. В. М. Васнецов. Эскиз к картине «Царевна-Несмеяна». Бумага, графитный карандаш, тушь, перо. 19,5×15,3 см. Дом-музей В. М. Васнецова, ГТГ, Москва

Рис. 3. В. М. Васнецов. Эскиз картины «Царевна-Несмеяна». 1880-е гг. Бумага, графитный карандаш, растушка. 19,3×14,9 см. Дом-музей В. М. Васнецова, ГТГ, Москва

Рис. 4. В. М. Васнецов. Эскиз к картине «Царевна-Несмеяна». Бумага, графитный карандаш. 19,5×15,3 см. Дом-музей В. М. Васнецова, ГТГ, Москва

нее остаются кости как свидетельства ее страшной жатвы, как это представлено в эскизе 1901 г. из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина. В картине Васнецов изобразил смерть в виде вооруженного всадника на коне, на спине которого висит колчан с оружием, позади смерти видны лежащими на земле два человека. На голове одного из них — корона, свидетельствующая о его высоком положении. Эта деталь раскрывает текст повести, в котором смерть показывает свою силу: «Аз есть ни силна, ни хороша, ни красна, ни храбра, да сильных, и хороших, и красных, и храбрых побораю, да скажу ти, человеце, послушай мене: от Адама и до сего времени сколько было богатырей сильных, никто же смел противу мене стати. Хотела бых того, кто бы противу мене стал и брался бы со мною, но несть: ни царь, ни князь, ни богатыри, ни всякий человек, ни жены, ни девицы, никто же смел со мною братися, — ни юн, ни стар» [6, с. 465].

Художник не случайно поместил этот сюжет над толпой стремящихся к богатству женихов. Оказавшегося перед лицом смерти воина не спасло обещание несметных богатств, которые он был готов отдать за несколько мгновений жизни для покаяния.

Иконография смерти на коне имеет много общего с ее изображением на иконах «Единородный Сын», которая получила распространение после создания в середине XVI в. новгородскими мастерами Четырехчастной иконы для Благовещенского собора Московского Кремля (Инв. Ж-1321; 3059 соб.). Знакомство Васнецова с этим памятником кажется неоспоримым. В конце XIX в. икона представляла особенный интерес для исследователей, среди которых были Ф. И. Буслаев и Д. А. Ровинский, чьи тексты были хорошо знакомы Васнецову. В 1918 г. была проведена реставрация Четырехчастной иконы, во время которой она была расчищена от поновлений. Это событие не могло не попасть в сферу внимания художника.

У основания левой распалубки представлены три сюжета. Нижний иллюстрирует «Повесть о Варлааме и Иоасафе». Этот источник получил распространение на Руси не позднее XII в. Сохранились пять полных вариантов XVI в., два из которых находятся в собраниях А. И. Хлудова и ГИМ [11, с. 350]. Также широко известны изображения героев повести в иконописной традиции.

Рассказанная Варлаамом притча призывает не гнаться за земными наслаждениями, а позаботиться о своей бессмертной душе. В ней повествуется о человеке, который, спасаясь от своего взбешенного верблюда, упал в глубокую яму. Во время падения он ухватился за растение и оперся на некий выступ, который оказался страшным аспидом. Посмотрев вверх он увидел, что корни того растения подтачивают черная и белая мыши. После он увидел каплю меда, стекающую с ветвей растения. Несмотря на страшную опасность, он стал наслаждаться этим ничтожным количеством меда.

Васнецов акцентирует внимание не на опасностях, которые предостерегают человека, но на скоротечности жизни, которую символизируют черная и белая мыши (день и ночь). И люди, прельстившись земными удовольствиями — «каплей меда», теряют свое спасение.

Тема корысти и ненасытного накопительства также выражена в изображении трех рыб, которые проглатывают друг друга: большая — меньшую. Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского содержит следующий текст: «Пище же рыбам разделена по родам — одна такая, другая иная... большая же часть рыб съедает друг друга, и та рыба, ко-

торая меньше, служит пищей большей. А если когда-то случится и малой рыбе съесть меньшую, чем она сама, то бывает, что их обеих проглотит большая рыба, и обе войдут в чрево той. И не так ли поступаем и мы, люди, когда принуждением приносим в жертву (поглощаем) более слабых. Чем отличаемся мы от последней рыбы, которая из-за своей жадности захватывает и пожирает всех более слабых, чем она сама. Тот отобрал у бедного имущество, а ты, ограбив еще и того, присоединил вместе с тем имуществом бедняка все к своему богатству. Ты оказался несправеднее несправедного и ненасытнее ненасытнейшего. Но смотри, чтобы тебя не постиг такой же конец, как и рыб — не удочка ли это, обманом берущая тебя на крючок, не сеть ли, которая опутывает тебя, не невод ли. И мы, часто несправедно поглощавшие многих, и сами не избежим последнего наказания» [14, с. 147].

В живописной традиции этот сюжет не был обнаружен. На миниатюрах лицевых рукописей Шестоднева, которые представляют большую редкость [9, с. 8], этот сюжет отсутствует. Однако широкая распространенность текста Шестоднева [14, с. 31] подразумевает узнаваемость образов, описанных в нем.

Выше на распалубке в круге изображено животное, вероятно, поедающее себя самого. Точное значение этого изображения на данный момент выяснить не удалось. Можно предположить, что оно является отсылкой к текстам Откровения Иоанна Богослова и имеет апокалиптическое значение. Визуальными образами-прототипами могли послужить выкрашенные в охру скульптурные фигуры льва, уены и оскрогана в основании царского молельного места — «Мономахового трона» — в Успенском соборе Московского Кремля [13, с. 5].

На правой распалубке художник изобразил стилизованное растение и птицу как символы рая. Рядом художник поместил очень распространенный сюжет «Душа чистая», в основе которого лежит библейский текст книги Откровение Иоанна Богослова, повествующий о Жене, облеченной в солнце. Существует множество толкований этого сюжета, одно из которых сопоставляет образ Жены с душой праведного христианина. Этот вариант получил развитие в народной культуре, использовался в синодиках. Большой популярностью в XVIII–XIX вв. пользовался лубок с изображением «Души чистой» [7, с. 372], имеющий аллегорическое значение целомудрия [5, с. 287]. Подобные образы были известны в иконописи, миниатюре и гравюре со второй половины XVII в. Из ранних гравированных изображений известна иллюстрация из Киевского Акафистника 1629 г. «Душа Чистая». Это изображение носит несколько иное значение, чем рассмотренные ранее. Оно не осуждает грех, а восхваляет праведность.

Текст, сопровождающий изображение, гласит: «Душа чистая яко девица преукрашенная стоит выше солнца и луна под ногами ея, на главе своей царский венец. Стоит перед Богом и молится, а молитва у нее изо уст восходит на небо, слезами пламени огненный погаси, и терпение греховное потреби, постом льва связя, смирением змия укроти, ненависник дьявол паде на землю яко кот, не могий терпети доброты ея». Рядом со «светящей всему миру» [7, с. 372] душой всегда изображена душа грешная, которая прячется в адской пещере.

Изображения на сводах, выполненные в эскизной манере, практически не привлекают внимания зрителя. Тем не менее именно через них художник формирует новое,

более глубокое понимание сказочного повествования и обогащает сказочный сюжет христианскими моральными постулатами.

Как в сказочной, так и в религиозной части картины происходит противоборство между добром и злом. В сказочной части Васнецов противопоставляет толпу алчных «борющихся» за обещанное богатство женихов и царевну, которая ждет искреннего и доброго человека. В религиозной — художник противопоставляет смиренную праведную «чистую душу» и грешников, которые, прельстившись земными благами, забыв о скоротечности жизни, теряли спасение.

Картина, безусловно, носит назидательный характер. В.М.Васнецов искал выражения народного понимания борьбы добра со злом — духовной борьбы человека с грехом. В одной из дневниковых записей 1909 г. сохранились размышления В.М.Васнецова: «Для человека же определение добра и зла: что добро есть жизнь (и жизнь совершеннейшая — жизнь духа) и все, что к ней ведет; и что зло есть смерть, небытие, и все, что к ней ведет» [4, с. 217]. Эта дихотомия добра и зла, тонко прочувствованная художником, получила отражение в его живописных работах.

Не менее важной для Васнецова была тема духовного спасения. Будучи искренне верующим человеком, он воспринимал мир сквозь призму христианского учения. В начале XX в., когда в обществе нарастают апокалиптические настроения, Васнецова особенно волновали вопросы нравственности и духовности. Он писал, что «вся история человечества есть борьба человека-зверя с человеком духовным и там, где чувствовалась победа человека над зверем — там светил свет Христов!» [4, с. 218]. Это вечная внутренняя борьба каждого человека — «оберегайся и спасайся сам, если можешь, а не можешь — страдай и гибни» [4, с. 218].

Подбор религиозных сюжетов был отнюдь не случаен: почти все они хорошо знакомы современникам В.М.Васнецова, имеют четкие толкования и назидательное значение. Благодаря религиозным образам художник выразил идеи духовной чистоты, борьбы добра со злом, греховности стяжательства и неотвратимости суда, придав картине «Царевна-Несмеяна» особую форму дидактических рассуждений.

Литература

1. *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки. Полное издание в одном томе. — М.: Альфа-книга, 2008. — 1087 с.
2. *Буслаев Ф.И.* О литературе: Исследования; Статьи / Сост., вступ. статья, примеч. Э.Афанасьева. — М.: Художественная литература, 1900 — 512 с.
3. Виктор Васнецов. Каталог выставки / Под ред. Л.И.Иовлевой, Э.В.Пастон, Е.Б.Малинка. — Л.: Изд-во Аврора, 1990. — 148 с.
4. *Васнецов В.М.* «Что такое добро и зло?» // Виктор Михайлович Васнецов: Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников / Сост., вступ. ст. и примеч. Н.А.Ярославцевой. — М.: Искусство, 1987. — С. 216–219.
5. *Дьяченко О.А.* О происхождении аллегорического изображения «Душа чистая» // Труды Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. Т. 3: Иконографические новации и традиции в русском искусстве XVI века: сб. статей памяти Виктора Михайловича Сорокатого / Ред.-сост. О.А.Дьяченко, Л.М.Евсеева. — Москва: Индрик, 2008. — С. 284–294.
6. Изборник: (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Сост. и общая ред. Л.А.Дмитриева и Д.С.Лихачева. — М.: Художественная литература, 1969. — 799 с.

7. Кондаков Н. П. Русская икона. Т. IV, ч. 2. — М.: Культурно-просветительский фонд им. народного артиста Сергея Стоялова, 2004. — 220 с.
8. Прахов Н. А. Виктор Михайлович Васнецов // Виктор Михайлович Васнецов: Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников / Сост., вступ. ст. и примеч. Н. А. Ярославцевой. — М.: Искусство, 1987. — С. 307–314.
9. Редин Е. К. О некоторых лицевых рукописях «Шестоднева» Иоана, Экзарха Болгарского. — М.: Тов-во типографии А. И. Мамонтова, 1902. — 23 с.
10. Русские народные картинки. Кн. III: притчи и духовные листы / Сост. Д. А. Ровинский. — СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1881. — 750 с.
11. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.) / АН СССР. ИРЛИ; Отв. ред. Д. С. Лихачев. — Л.: Наука, 1987. — 493 с.
12. Словарь средневековой культуры / Под ред. А. Я. Гуревича. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. — 632 с.
13. Трон или Царское место Грозного в Московском Успенском соборе. — М.: Синод. Тип., 1909. — 15 с.
14. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. V слово / Отв. ред. В. Ф. Пустарнаков. — М.: ИФРАН, 1996. — 215 с.

Название статьи. Религиозные коннотации в картине «Царевна-Несмеяна» В. М. Васнецова.

Сведения об авторе. Васина Екатерина Владимировна — научный сотрудник. Государственная Третьяковская галерея, Лаврушинский пер., 10, Москва, Российская Федерация, 119017. KaterinaVasina@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена выявлению религиозных коннотаций в картине «Царевна-Несмеяна» В. М. Васнецова, входящей в живописный цикл «Поэма семи сказок». О религиозных сюжетах, использованных художником в картине, впервые написал В. Г. Смолицкий в статье «В. М. Васнецов и фольклор» для каталога выставки творчества В. М. Васнецова (ГТГ), определив сюжет «Прения живота со смертью». Остальные изображения, расположенные на сводах сказочного терема, ранее не были названы. В исследовании предлагается связать их с текстами «Повести о Варлааме и Иоасафе», «Шестоднева Иоанна экзарха Болгарского» и лубком «Душа чистая». С помощью этих сюжетов В. М. Васнецов формирует «второй уровень» смыслового содержания картины: выявленные религиозные коннотации в картине «Царевна-Несмеяна» дают возможность рассматривать полотно и цикл «Поэма семи сказок» с точки зрения их религиозно-философского содержания. Также немаловажно, что в статье впервые предпринимается попытка реконструкции истории создания картины «Царевна-Несмеяна», основанная на графических эскизах, хранящихся в Доме-музее В. М. Васнецова и ГМИИ им. А. С. Пушкина, большинство из которых публикуются впервые.

Ключевые слова: русское искусство рубежа XIX–XX вв.; В. М. Васнецов; Царевна-Несмеяна; Поэма семи сказок; религиозные коннотации в творчестве В. М. Васнецова.

Title. “The Sad Princess” by V. Vasnetsov: Religious Connotations.

Author. Vasina, Ekaterina Vladimirovna — researcher. State Tretyakov gallery, Lavrushinskii per., 10, 119017 Moscow, Russian Federation. KaterinaVasina@gmail.com

Abstract. The article examines *The Sad Princess*, a painting that belongs to the painted cycle entitled *Poem of the Seven Fairy Tales* which has been the least studied part of artist's heritage. The article aims at identifying the literary and pictorial religious sources used by Victor Vasnetsov, as well as at semiotic analysis of them in relationship with the didactic nature of the picture. In addition, it offers an attempt to reconstruct the history of the creation of the painting, on which the artist was working for 30 years until his death in 1926, on the basis of his graphic sketches (most of them published here for the first time). As a result, the following religious subjects previously ignored were recognized in the depictions of the walls of the king's palace in Vasnetsov's painting: *Woman of the Apocalypse*, *Barlaam and Josaphat*, *Anika the Warrior*. The religious scenes show Vasnetsov's profound knowledge of biblical texts, patristic, and spiritual literature. The article analyses both textual and visual sources, such as Russian icons, religious ‘lubok’ prints, and miniatures.

Victor Vasnetsov formed ‘the second level’ of the semantic content of his pictures with the help of religious subjects. Through it, he expressed the ideas of greed and the inevitable punishment closely connected with the moral message of the tale. It also reflected the apocalyptic feelings developing rapidly at the turn of the 19th–20th centuries. Thus, the discovered religious connotations provide an opportunity to study the canvas and the cycle of *Poem of Seven Fairy Tales* in terms of their religious and philosophical content.

Keywords: Russian art; late 19th century; early 20th century; Viktor Vasnetsov; The Sad Princess; Poem of the Seven Fairy Tales; religious connotations; heritage.

References

- Afanas'ev A. N. *Narodnye russkie skazki (Russian Fairy Tales)*. Moscow, Al'fa-kniga Publ., 2008. 1087 p. (in Russian).
- Buslaev F. I. *O literature: Issledovaniia; Stat'i (On Literature: Research; Articles)*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1900. 512 p. (in Russian).
- D'iachenko O. A. On the Origin of an Allegorical Image "Pure Soul". *Trudy Tsentral'nogo muzeia drevnerusskoi kul'tury i iskusstva imeni Andreia Rubleva*, vol. 3. Moscow, Indrik Publ., 2008, pp. 284–294 (in Russian).
- Dmitriev L. A.; Likhachev D. S. (eds.). *Izbornik: Sbornik proizvedenik literatury Drevnek Rusi (Izbornik: Collected Works of Ancient Russian Literature)*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1969. 799 p. (in Russian).
- Gurevich A. Ja. (ed.). *Slovar' srednevekovoi kul'tury (Dictionary of Medieval Culture)*. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia ensysiklopediia Publ., 2003. 632 p. (in Russian).
- Iovleva L. I. (ed.). *Viktor Vasnetsov. Katalog vystavki (Viktor Vasnetsov. Exhibition Catalogue)*. Leningrad, Avrora Publ., 1990. 148 p. (in Russian).
- Kondakov N. P. *Russkaia ikona (Russian Icon)*, vol. 4, part 2. Moscow, Cultural Fund of Honored Artist S. Stoliarov Publ., 2004. 220 p. (in Russian).
- Prakhov N. A. Viktor Mihailovich Vasnetsov. *Pis'ma. Dnevnik. Vospominaniia. Suzhdeniia sovremennikov (Viktor Vasnetsov Letters. Diaries. Memories. The Comments of Contemporaries)*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1987, pp. 307–314 (in Russian).
- Pustarnakov V. F. (ed.). *Shestodnev Ioanna ekzarha Bolgarskogo. V slovo ("Hexaameron" of John the Exarch)*. Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Science Publ., 1996. 215 p. (in Russian).
- Redin E. K. *O nekotorykh litsevykh rukopisiakh "Shestodneva" Ioana, Jekzarha Bolgarskogo (On Some Illuminated Manuscripts of "Hexaameron" of John the Exarch)*. Moscow, Tovariishestvo tipografii A. I. Mamontova Publ., 1902. 23 p. (in Russian).
- Rovinskii D. A. (ed.). *Russkie narodnye kartinki. Vol. 3: pritchi i duhovnye listy (Russian Folk Pictures. Vol. 3: Parables and Spiritual Sheets)*. Saint Petersburg, Imperial Academy of Science Publ., 1881. 750 p. (in Russian).
- Likhachev D. S. (ed.). *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi (Dictionary of the Scribes and Literature of Ancient Russia)*, vol. 1. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 493 p. (in Russian).
- Vasnetsov V. M. What Is Good and Evil? *Viktor Mihailovich Vasnetsov: Pis'ma. Dnevnik. Vospominaniia. Suzhdeniia sovremennikov (Viktor Vasnetsov Letters. Diaries. Memories. The Comments of Contemporaries)*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1987, pp. 216–219 (in Russian).
- Zabelin I. E. *Tron ili Tsarskoe mesto Groznogo v Moskovskom Uspenskom sobore (Throne or Tsar's Place of Ivan the Terrible in the Moscow Cathedral of the Assumption)*. Moscow, Sinod Publ., 1909. 15 p. (in Russian).

Илл. 44. В. М. Васнецов. Царевна-Несмеяна. 1926. Холст, масло. Дом-музей В. М. Васнецова, ГТГ, Москва